

НЕТ, она не может вспомнить, как пришло в голову облокотиться на стол, подпереть ладонями щеки, озорно покачать головой — и вдруг из-под руки председателя колхоза выхватить печать, пристукнуть ею бумагу и отдать ожидавшей товарке...

— Просто получилось так, и все! — говорит она.

— Все ли? — спрашиваю. — А вам самой не кажется, что в молниеносном этом эпизоде блеснул характер?

В ответном взгляде — усмешка:

— Ну, зачем вы ищете сложности? Многие в жизни проще, чем кажется.

И все же так ли проста эта сценка с печатью из «Солдатской вдовы» Н. Анкилова? Случайна ли игра актрисы, фантазия которой расцветила едва намеченную авторскую мысль, сделала видимой, рельефной безымянную женщину (в программе: «в эпизодах и массовых сценах — артисты театра»), рассказала о ее глубоко запрятанной веселости, о нетерпимости к проволочкам... Да, конечно же, не случайна! В этом крошечном эпизоде актриса Ярославского академического театра имени Ф. Г. Волкова Татьяна Позднякова верна себе. Верна постоянно поиску «зерна» роли — все равно, большой или маленькой, классической или современной.

Ее героини часто бывают веселыми, но сама она в жизни не так уж и весела. Как правило, она серьезна. И во внешности — в разбросанной по лбу челке, в линиях чуть вскинутых бровей, — если не умудренная суровость, то уж никак не душевная легкость.

Как-то за кулисами — шел спектакль — стояли и наблюдали за актерами. Татьяна Константиновна, подобранная, притихшая, иногда резко поворачивалась ко мне: «Видите? Видите?!» То с горечью, почти по-детски: «Так у меня бы не вышло...» То радостно, счастливо: «Молодец! Какая молодчина!»

— А почему, собственно, вы не смогли бы? Роль есть роль; игра есть игра! — спрашиваю потом.

Она пожимает плечами, не отвечает. Заговаривает о «более интересном»: о японских мультфильмах, например. А мне хочется, чтобы она объяснила, чтобы отказалась от своего «просто так» в разговоре о роли. Есть же в конце концов в основе каждого образа какое-то начало. Не наитие, не экспромт, а что-то постигнутое умом, выстраданное годами? Что же именно?

Она смеется как-то задумчиво, негромко, будто не слышит моих слов, а вспоминает давнее, затнутое временем. И трудно разобрать, соглашается или нет.

— Есть же некий пусть неразгаданный еще закон, — говорю, — когда актер становится героем, которого играет. Происходит почти волшебство: два лица сливаются в одно.

— Не уверена, что это закон, — отвечает она. — Но такое бывает, конечно. И волшебства тут никакого нет.

— Так что же тогда? Самовыражение?

Такое понятия она не хочет принимать. Сидим в уютной библиотеке театра. Татьяна Константиновна рассказывает, как работала над ролью Финей из «Дурочки» Лопе де Вега, как, впервые взяв в руки пьесу, почувствовала неверие в собственные возможности.

— Понимала: Финей глупа для других, но умна для себя. Все ее поступки, в сущности, простодушны: она может шокировать, обескуражить — и все это, чтобы заявить о своем гордом «я». ...Понимала, но найти нужного хода долго не могла. Станиславский учил играть от себя. Попробовала. В одной из сцен «выкинула ферт», как с печатью в пьесе Анкилова. Понравилось самой ужасно. И зрители приняли неплохо.

На мое «Вот видите!» ответила упрямо улыбкой:

— Забыли, что не акт, а полуминутная сценка? А сколько их в спектакле!

Чем больше я узнавал ее, тем явственнее представлял ее героиню. На спектаклях утверждался в своих представлениях. И когда расспрашивал о прежних ее работах, она рассеянно и сочувственно пожимала плечами. Решительно ничего вспомнить не могла. А однажды, покусывая губы и боясь откровенно рассмеяться, сказала:

— По-вашему, если играешь какого-нибудь Пашку Мошкина, сущего бармалея, то тем самым выражаешь собственное хамство? Так?

— Ну, это вы слишком! — начинаю я, а она не хочет продолжать разговор

люди искусства

НИКАКОГО ВОЛШЕБСТВА

П. СЕДОВ

об этом и снова резко меняет тему.

Впрочем, о Паше Мошкине в спектакле «Пакет из Африки» речь зашла еще раз. Татьяна Константиновна говорила, что мальчишку этого играла, не прибегая к набору «реквизитных» движений и поз, меньше всего испытывая давление «целесообразности». Оттого и получилось. Правда, еще и оттого, что крепко чувствовала, понимала игру партнеров.

В последнем она — подлинная «волковка». Когда я не очень-то лестно отозвался об одной пьесе, увиденной в театре, Татьяна Константиновна резюмировала просто:

— Значит, виноваты мы. Все вместе, коль такое мнение. Значит, в чем-то недоработали. Ведь в пьесе заложена отличная идея. Великая, если хотите. И еще воспитывающая. Театр должен донести ее до зрителя. Слышите, должен!

В словах Татьяны Константиновны — давняя традиция Ярославского театра. Ансамблевость: не я, а мы; не моя героиня, а наша; и уж во всяком случае наша удача, наша беда...

Долгие беседы с Татьяной Поздняковой были тем интереснее, что бился в них хорошо прощупываемый пульс — время, неудержимо идущее вперед, очень красивое каждой минутой, часом, годом. Вот она, страстно чеканя каждое слово, доказывает, как будто оспаривает чье-то суждение:

— Мысль и острая проблема. Сегодня для театра это главное. Проблема злободневная. Даже когда ставят Лопе де Вега или Шекспира, Грибоедова или Островского. Театр — всегда школа!

О школе, о воспитании говорит с особой охотой. Что-то нравится, что-то нет, а в общем работать «на молодежь» — дело прекрасное. Рассуждения эти не случайны: актриса окончила педагогический институт, преподает там студентам основы художественного чтения... Зачем же ей понадобился педагогический?

Банальных фраз она не любит. Потому и не распространялась по поводу многосторонности знаний и увлечений актера. Но из того немногого, что сказала, ясно: педагогика нужна ей для работы. Педагогика, не изложенная в популярных брошюрах, а постигаемая самостоятельно и глубоко. Вероятно, поэтому так любит она свои «детские» образы, так тепло вспоминает свою первую самостоятельную роль — Петьку Ершова в «Димке-невидимке».

Удивительно согревала меня работа над ней. И то, что чувствовала: все больше и больше понимаю душу ребенка.

Помедлила. Потом твердо, еще раз:

— Театр — всегда школа! Как-то вспомнила не столь уж и давнее прошлое... Были

страх и надежда, восторг и оцепенение. Была тяжкая пустота, когда объявили, что она, Таня Позднякова, не прошла по конкурсу в студию при театре. Не хотелось жить...

— Нет, серьезно! Разбились мечты, гибло призвание... С горя перестала ходить на занятия. Как раз перед экзаменами на аттестат зрелости. Вообще склонна была наделать много глупостей.

Пролог не такой уж редкий в творческой биографии актера. Дальше чуда не произошло. Не было того прекрасного дня, когда ее, как, скажем, Пелагею Стрепетову, пригласили сыграть роль... Все было проще.

— Пошла к директору студии. Говорила, кажется, спокойно: «Легально или нелегально, а на занятия ходить буду. Должна, чтобы в себе разобраться!».

Разрешили. Ходила, занималась. Через полгода стала полноправной и, конечно, счастливейшей студенткой. Заявила — и не без успеха — о гордом своем «я».

О собственных успехах Позднякова говорит мало, о неудачах (своих — безжалостно, театра — с сочувствием и тревогой) рассказывает подробно, перебирая в памяти множество деталей. Видимо, пытается логически вывести причины.

Об одном неудачном эксперименте сказала: беда в том, что заурядную, бытовую ситуацию не смогли поднять до большого поэтического обобщения. Потому все и рухнуло.

— Правильно, — поддержал я. — А если посмотреть с другой стороны, то и заурядная ситуация, куда ни кинь — сама жизнь. Реальнейшая!

— Ну и что?

— А то, что «заземленность» спектакля в целом, как и любой роли, бесспорна. И здесь, кажется, главное — личность актера.

— Верно! — вскинулась она. — В главном этом, может, и таится самая большая трудность...

Последнее слово произнесла, понизив голос: видимо, засомневалась. Но в следующий момент добавила:

— Трудность и... наслаждение. Творческое наслаждение!

Первомайский бульвар в Ярославле упирается в Волковский театр. У служебного входа мы прощаемся. Татьяна Константиновна спешит на репетицию. Наблюдая, как она приближается к двери. Вот кивнула кому-то из знакомых, потянула на себя тяжелую створку... Из всех впечатлений от встреч с ней не даю покоя слова о личности, помноженной на труд. А еще в словах этих плотно сплелись понятия «талант», «жизнелюбие», «работоспособность». Сплелись, окрашенные огромной любовью актрисы к своей профессии.

ЯРОСЛАВЛЬ — МОСКВА.